

## Критика точечной теории совершенного вида<sup>1</sup>

### Гл. 1. Точечная теория<sup>2</sup>

В 1928 г. вышло 3-е издание книги А. М. Пешковского „Русский синтаксис в научном освещении“. Это издание написано почти заново, и в нем им впервые была дана попытка объяснения видов.

„Предупреждаем только читателя, что категория эта (вида—П.С.)—одна из труднейших в языке вообще, а в частности славянские совершенный и несовершенный виды до сих пор в науке не получили общепризнанного объяснения, и то, что здесь будет высказано, может иметь значение только как одно из предлагаемых толкований“. Так пишет А. М. Пешковский в самом начале отрывка, посвященного исследованию видов (см. стр. 94, 4-ое изд., 1934 г. названной книги А. М. Пешковского, в 6-ом издании, стр. 121).

Автор на целом ряде примеров иллюстрирует разницу между совершенным и несовершенным видами. Разница эта выражается в морфологических признаках, как-то: „летел — влетел“, „бросал — бросил“, „рассматривал — рассмотрел“, „затыкал — заткнул“, „посылал — послал“, „сбегал — сбегал“, „ссыпал — ссыпал“, „садился — сел“, „говорил — наговорился“, разница выражается даже словарно, как-то: „говорил — сказал“, „брал — взял“<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Эта статья была закончена 10 сентября 1936 года (имеется отзыв ИЯМ-а от 11/XII—1936 г.). Второй пересмотр этой статьи со внесением незначительных изменений был закончен 28-го января 1939 года. Ссылки на „Современный русский язык“ вып. II проф. В. Виноградова прибавлены в виде примечаний после получения на месте названного выпуска.

<sup>2</sup> Для указания на источник точечной теории мы приводим маленький отрывок из книги проф. В. В. Виноградова.

„Третья теория видов русского глагола изображала различие между значениями видов графическими, пространственными аналогиями. Совершенный вид здесь обозначает исполнение действия в точку времени, т. е. действие непротяженное, „точечное“ действие, в котором конец сливается с началом, а несовершенный вид указывает на действие длящееся, „линейное“. Эта теория была канонизирована Дельбрюком“. (Современный русский язык II. 393).

„Это учение „о точечности“, „непротяженности“ совершенного вида и о „линейности“, „протяженности“ несовершенного вида было воспринято Фердинандом де Соссюром и от него перешло ко всем руссистам французской школы. В „Курсе общей лингвистики“ де Соссюр писал:

„Славянские языки последовательно различают в глаголе два вида: совершенный вид выражает действие в его завершенности, как некую точку, вне всякого становления; несовершенный вид — действие в процессе совершения и на линии времени“.

„Именно этим взглядом руководствовался проф. А. Мазон в своих работах, посвященных видам русского глагола (Morphologie des aspects du verbe russe. Paris 1908)“. (op. cit. В. В. Виноградова, там же).

<sup>3</sup> Примеры эти приведены у А. М. Пешковского 495—96, 6122—123.

Иногда разница между видами выражается синтаксически: „Птица слетает с дерева — несовершенный вид. Я слетаю (сбегаю) живо к нему — совершенный вид“. Этот пример взят мною из грамматики русского языка В. Богданова, 1897 г.

Автор далее путем анализа примеров пытается найти „единый общий оттенок, выражающий не второстепенные видовые различия, а то главное различие, которое рассекает русский глагол на две равные части: совершенный и несовершенный виды (стр. 497 той же книги, 124).

После анализа автор приходит к следующему выводу: „Поэтому мы принимаем, что значение категории совершенного вида сводится к *непротяженности, недлительности* того процесса, который обозначен в корне глагола, причем эту непротяженность приходится понимать не как *отрицательный* признак, а как *положительный* . . “ (стр. 498, 125).

Ссылаясь на психологическое восприятие чего-то положительного в черном цвете, который *in se* есть отсутствие света, и в пресности, которая есть отсутствие солености, утверждает: „И чем резче ощущается отсутствие чего-либо, тем положительнее оно воспринимается. А отсутствие *протяженности* в *процессе* должно восприниматься, конечно, наиболее резко, так как значение это *совершенно иррационально*: ведь реально всякий *процесс* неизбежно *тянется*. Эту положительную сторону такого представления о „непротяженном“ процессе удобно сравнивать с представлением *точки* по отношению к *линии*. Точка непротяженна, она не имеет никакого измерения, но никто не скажет, что она есть нечто отрицательное. Всякий воспринимает ее положительно. Название *punktuell* („точечный“), применяемое некоторыми учеными к известным корням индоевропейского праязыка, идеально выражает и значение нашего совершенного вида. В нем все течение процесса, выраженного в глагольном корне, как бы собрано в одну „точку“. Несовершенный вид пришлось бы тогда называть линейным. Итак, на вопрос, поставленный нами в самом начале, „как *протекают во времени* те процессы, которые обозначаются основами совершенного вида“, получился совершенно неожиданный ответ: они *совсем не протекают* во времени, и вот это отрицательное и иррациональное представление и составляет чрезвычайно яркую и положительную [характеристику совершенного вида“, (стр. 499, 125—126).

## Гл. 2. *Differentia specifica* глагола

Чтоб разобраться в теории А. М. Пешковского, надо предварительно выяснить один вопрос, касающийся глагола.

Я не стану подробно останавливаться на формулировке глагола; отмечу лишь одно обстоятельство: глагол обозначает действие—состо-

яние—пребывание во времени, причем это действие (состояние — пребывание во времени) берется в своем течении, а не в субстантивированном виде, как, например: бегаю, рассматривал, поиграл, а не бег, рассмотрение, игра.

Обыкновенно ассоциирующиеся с существительными образы представляются нам так, будто в них не заключено никакого процесса, например: камень, карандаш, буква и т. д.; эти предметы представляются нам не заключающими в себе процесса, они представляются нам не текучими, не пребывающими во времени и не прикрепленными к определенному пункту времени. При этом надо помнить одно: мы имеем в виду вещи, образы которых у нас ассоциируются с именами существительными, а не восприятия и представления этих вещей. Эти восприятия сами по себе являются процессами, и, несмотря на процессуальность восприятий, этих единственных путей нашего подхода к вещам, те предметы, о которых только что было сказано, представляются нам наличными вовне, и нам кажется, будто в камне, карандаше, букве и т. д. нет никакой процессуальности; но, конечно, предметы восприятий не все представляются непроцессуальными на подобие камня, карандаша, буквы и т. д.

Есть такие предметы, которые представляются нам текучими, процессуальными, пребывающими во времени, каковы: бег, игра, рассмотрение и т. д. В то время как в карандаше, букве, камне и т. д., как нам представляется, нет никакого течения, никакой процессуальности, достаточно представить их пребывание во времени или их существование, как сейчас же станет ясно, что пребывание этих предметов представляется нам текучим, т. е. занимающим более или менее определенный промежуток времени.

Из наличности двух разрядов вещей, образы которых у нас ассоциируются с существительными, мы делаем следующие выводы:

1. для существительного процессуальность, течение во времени, не является обязательным, необходимым моментом;
2. глагол по сравнению с такими существительными, образы вещей которых означают предметы текучие или занимающие более или менее определенный промежуток времени, должен обладать какими-то специфическими чертами.

Для выяснения этого пункта обратимся к выявлению той связи, которая наблюдается в глаголе.

Связь глагола со временем состоит из 2 пунктов. Во-первых, всякий глагол означает течение, причем течение глагола обыкновенно в нем сознается вполне отчетливо; таковы глаголы несовершенного вида или глаголы в тех языках, в которых нет последовательно проведенных по всем временам параллельных форм совершенного и несовершенного видов. В них глаголы означают текучее действие, или состояние, или пребывание во времени.

Во-вторых, помимо течения, этого основного свойства глагола, мы замечаем еще один пункт. Если основным свойством глагола является текучесть процесса, то указанный второй пункт связи со временем является следствием основного признака — текучести. Так как текучесть имеет место лишь в текучем времени, то эту текучесть, т. е. действие — состояние — пребывание во времени, можно соотнести к какому-либо моменту речи, в зависимости от которого действия (состояния или пребывания во времени), имевшие место до момента речи, окажутся в прошедшем времени; действия — состояния — пребывания, ожидающиеся после момента речи, окажутся в будущем времени, а действия — состояния — пребывания, совпадающие с моментом речи, окажутся в настоящем времени. Этот второй пункт связи со временем я называю прикрепленностью к определенному пункту времени.

Займемся этим свойством несколько подробнее, чтоб яснее отделить основное глагольное свойство.

Если бы мы заинтересовались, является ли прикрепленность к определенному пункту времени специфическим свойством только глагола или же его элементы мы можем найти и в других частях речи, то нам стало бы ясно, что иногда в отдельных словах и словосочетаниях неглагольного характера можно заметить явление, родственное описываемой нами глагольной черте.

Путем существительных мы можем назвать отрезки времени, как-то: столетие, год, месяц, шестидневка, день, час, минута и т. д. Конечно, приведенные нами существительные сами по себе указывают на более или менее качественно определенные отрезки времени, но не приводят их в соотношение с каким-либо моментом времени так, чтобы получилось или совпадение, или предшествование, или ожидаемое следование за моментом речи.

Но мы в языке найдем немало отдельных слов и словосочетаний, которые не только определяют отрезок времени, но и приводят его в более или менее определенное соотношение с моментом речи. Таковы слова и словосочетания: вчера, сегодня, завтра, прошлый год, будущая пятилетка и т. д. Все они не только указывают на отрезок времени, но и приводят в соотношение с моментом речи, причем тут качественная определенность времени оказывается более точно установленной, чем это бывает при глаголах, которые обыкновенно указывают лишь на совпадение, предшествование или ожидаемое следование за моментом речи.

В указанных словах и словосочетаниях связь со временем устанавливается тем смыслом, который мы связываем с отдельными словами или словосочетаниями, как-то: вчера, сегодня, завтра, прошлый год, вчерашний бег и т. д.

Этакая временная связь разбираемых отдельных слов и словосо-



четаний получается благодаря лишь смысловому значению этих слов и словосочетаний, а не благодаря каким-то свойствам тех частей речи, к которым относятся разбираемые слова и словосочетания. Такую установку временной связи мы назовем *смысловой* связью со временем.

Если мы этот тип смысловой связи со временем сравним с той временной связью, которую мы наблюдаем в глаголе, то мы заметим, что в глаголах связь со временем устанавливается не смыслом данного или какого-либо иного глагола, а их глагольностью.

Для большей ясности приведем пример. „Бегаю“ указывает на совпадение с моментом речи не потому, что слово „бегать“ имеет определенный смысл, как это было со случаями смысловой связи со временем (вспомни „вчера“, „сегодня“ и т. д.), а потому, что „бегать“ как глагол обладает свойством — путем прибавления особых частиц (или внутренних изменений, или прибавления форм вспомогательного глагола) выражать то совпадение с моментом речи, то предшествование, то ожидаемое следование.

Вследствие смыслового характера связи со временем слова и словосочетания указанного выше типа не обладают способностью обозначать и совпадение с моментом речи, и предшествование ему, и ожидаемое следование за ним. Вот почему, если я хочу при смысловом типе связи со временем выразить не совпадение с моментом речи, а, предположим, предшествование ему, я должен изменить не конечные частицы слова, а основное слово: я должен вместо „сейчас“ употребить слово „вчера“.

Таким образом, смысловая связь со временем способна действовать лишь в одном направлении, она способна выражать или совпадение, или предшествование, или ожидаемое следование. Такие слова и словосочетания обладают свойством иметь лишь одно измерение, а не три измерения, как это мы находим в глаголах. Они имеют, так сказать, одно время, а не времена.

Глаголы же обладают способностью иметь три измерения, они обладают временами, а не временем.

Это свойство глаголов, сравнительно со словами и словосочетаниями смыслового типа связи со временем, является преимуществом. Слова и словосочетания, устанавливающие связь со временем на основании смысла, сравнительно с глаголами являются лишь грубыми обрубками. Преимущество глагольной гибкости должно объяснить нам свойственное глаголу колоссальное практическое значение.

Наряду с этой гибкостью мы должны отметить также, что глагольный тип связи обладает всеобщностью, т. е. вы не найдете ни одного глагола, который был бы лишен способности выражать три измерения, иметь три времени.

Таким образом, стало ясно, что глаголы обладают способностью

выражать совпадение, или предшествование, или ожидаемое следование за моментом речи благодаря не смысловому значению основной части слова, а благодаря прибавлению особых частиц или внутренним изменениям. Но чтоб иметь возможность выразить какое-либо измерение, надо или путем смыслового значения слова указывать на отрезок времени, как это делают слова и словосочетания смыслового типа связи со временем, или же надо найти общую точку со временем, стать *соизмеримым* со временем, а то иначе слово останется *вне* времени, *вне* соизмеримости со временем, как это мы можем заметить на других частях речи. Сколько бы вы ни старались „стол“, „стул“ и т. п. привести в соотношение со временем, какие бы ни присоединяли к ним частицы, все равно они навсегда останутся вне времени, вне соизмеримости со временем.

А раз они не найдут общей точки соприкосновения или соизмеримости со временем, то они никак не могут выразить ни предшествования, ни совпадения, ни ожидаемого следования за моментом речи. Они останутся *чуждыми* времени.

Спрашивается, что же делает глаголы соизмеримыми со временем. Какой элемент из состава глагола ставит его на одну и ту же линию со временем, роднит его с ним?

Этим элементом должно быть то, чего нет в других частях речи, но оно обязательно налично во всяком глаголе. Это то, что является общим независимо от того, выражает ли глагол действие, состояние или *пребывание во времени*. Это *differentia specifica* глагола, без которой мы не можем объяснить ни одного из глагольных свойств.

Это — течение во времени, и оно является необходимым признаком всякого глагола, без него не может быть глагола, без него глагол не нашел бы общей точки соприкосновения со временем, без него глагол не пришел бы в соизмеримость со временем и не мог бы иметь времен, т. е. не мог бы ни совпасть, ни предшествовать, ни следовать за моментом речи.

Таким образом, мы познакомились с основной чертой, с *differentia specifica* глагольности.

На это нам могут возразить, говоря, что течение выражается также и некоторыми существительными.

Возьмите отглагольные существительные, например: бег, рассматривание, процесс и т. д. и вы увидите, что это так.

Нетрудно видеть, что течение, так как оно налично только в отглагольных существительных, не является характерной чертой существительного, что оно не является необходимым, обязательным его признаком. В „беге“, в „рассматривании“ и т. п. процессуальность, течение, является для существительного случайным моментом; нетрудно видеть, что течение — это свойство глагола, которое перешло

в субстантивированное слово „бег“; и здесь это течение — как бы полученное от глагола наследственное свойство, оно как бы взято в скобки, так как процесс бега каким-то новым, привносным моментом переквалифицирован в существительное. После этого привносного момента, который дал новую квалификацию в виде субстантивированного процесса, процессуальность, течение, должно оказаться случайным, не необходимым, необязательным для существительного моментом. „Бег“ уже существительное, и оно, как таковое, в предложении может выступать лишь в роли подлежащего, дополнения или определения. И поэтому у слова „бег“ все синтаксические связи устанавливаются такие, какие свойственны существительным. Такие же сочетания, как „ходьба пешком“, „разговор вслух“ и т. д., т. е. сочетания по признаку глагола логически второобразны (да и редки), т. е. это значит, что эти образования („пешком“, „вслух“) принесены внутрискобочными, глагольными свойствами слов „ходьба“, „разговор“; но эти внутрискобочные свойства не составляют того квалифицирующего момента, согласно которому процесс бега подвергся субстантивации в слове „бег“.

Сочетание „ходьба пешком“ доказывает, что отглагольное существительное не потеряло способности устанавливать такие сочетания, которые свойственны глаголам, вернее, не потеряло способности сохранять при себе сочетания по признаку глагола.

И это в грамматике не единичное явление. Сочетание по признаку глагола от этого не становится сочетанием по признаку существительного; „ходьба пешком“ остается сочетанием по признаку глагола, но переходит к отглагольному существительному, как будто отглагольное существительное получает в наследство глагольное свойство.

Если теперь мы сравним глагол с отглагольным существительным, то мы заметим следующее.

В существительном процесс подвергся новой квалификации, он подвергся субстантивации, и поэтому процессуальность, течение, в существительном становится внутрискобочным, необязательным, не необходимым моментом, таким моментом, который в существительном не является квалифицирующим.

В глаголах же течение само является квалифицирующим глагол моментом, оно здесь не является привносным, случайным, не необходимым, необязательным, а является необходимым, обязательным моментом, который собою обуславливает глагольность и все вытекающие отсюда свойства. Уже выше мы установили: если бы в глаголе не было течения, то у глагола не было бы общей соизмеримости со временем, следовательно, не было бы и способности иметь времена. Здесь, в глаголе, течение уже не является внутрискобочным, пришедшим из другой части речи свойством, а является тем моментом, который слово

превращает в глагол и обуславливает собою следственные свойства глагола, например, обладание временами. Если бы течение было внутрискобочным, неквалифицирующим моментом, оно не сумело бы развернуть свою действительность и дать следствия, оно бы замкнулось в скобках и в лучшем случае принесло бы в качестве наследства то или иное свойство, ведь только квалифицирующий момент может заставить данное слово действовать в качестве данной части речи.

### Гл. 3. Критика точечной теории

После того как нам стало ясно отношение связи глагольного процесса со временем, мы попробуем разобраться в точечной теории совершенного вида, выдвинутой А. М. Пешковским.

Он говорит: „Поэтому мы принимаем, что значение категории совершенного вида сводится к *непротяженности*, *недлительности* того процесса, который обозначен в корне глагола, причем эту непротяженность приходится понимать не как *отрицательный* признак, а как *положительный*, так как несовершенный вид является *отрицанием* этого „отрицательного“ признака; никакой особой *протяженности* в нем, взятом в целом, нет, кроме той, которая заключена вообще во всяком процессе (особая протяженность выражена только в *некоторых* частных категориях несовершенного вида: летал, разговаривал и т. д.)“<sup>1</sup>.

Из предыдущего нашего анализа связи со временем стало ясно, что не может быть глагола, в котором бы не было процесса, течения. Раз это является общей чертой всех глаголов, то спрашивается, каким образом совершенный вид может означать „непротяженность, недлительность того процесса, который обозначен в корне глагола“.

Непротяженность, недлительность процесса! Не есть ли это такое противоречие, какое мы находим в жареном льде?

„А отсутствие протяженности в процессе должно восприниматься, конечно, наиболее резко, так как значение это *совершенно иррационально*: ведь реально всякий *процесс* неизбежно тянется“<sup>2</sup>. Так говорит А. М. Пешковский.

Эта загадка, к сожалению, не разрешена. Здесь мы рады отметить, что А. М. Пешковский обратил внимание на это противоречие и признал, что „всякий *процесс* неизбежно тянется“. Если бы А. М. Пешковский оценил в достаточной степени этот пункт течения во всяком глаголе, то едва ли он выдвинул бы свою точечную теорию совершенного вида. Он тогда понял бы, что глаголы совершенного вида оттого, что они совершенного вида, не теряют своих свойств глагольности; а раз они остаются глаголами, значит, в них есть течение

<sup>1</sup> А. М. Пешковский *op. cit.* 499, 6125. Курсив автора.

<sup>2</sup> стр. 499, 6125 той же книги.



процесса. А раз признаем в них течение процесса, мы вынуждены не довольствоваться констатированием этой загадочной „иррациональности“, а должны доискиваться ее причины.

Если бы А. М. Пешковский эту текучесть всякого глагола оценил в достаточной степени, ему стало бы ясно, что глагол может иметь течение процесса, и однакож это течение процесса не будет сознаваться; это будет течение *in ge*, наличное в глаголе. Об'ективная наличность течения процесса в глаголах совершенного вида не простой звук, а свойство, без которого никак нельзя об'яснить свойств глагольности, которые наличны и в глаголах совершенного вида. Ведь глаголы совершенного вида имеют времена, а это значит, что они имеют оба пункта связи со временем: течение и прикрепленность к определенному пункту времени, т. е. прикрепленность к прошедшему и будущему. Если же в глаголах совершенного вида не было бы течения процесса *in ge*, то, как это было доказано выше, не могло бы быть и этих времен. Они имеют эти времена именно потому, что в них *in ge* есть течение процесса.

Надо признать заслугой А. М. Пешковского то, что он впервые в литературе поставил и по своему разрешил вопрос о том, почему глаголы совершенного вида не имеют настоящего времени (см. <sup>4</sup>99—100, <sup>6</sup>126). Но он не выдвинул другого вопроса, вопроса о том, почему глаголы совершенного вида имеют времена.

Вопрос кажется нам простым, а ответ — ясным: совершенный вид имеет времена, так как он означает течение процесса. Но беда в том, что, несмотря на простоту и ясность ответа, это положение, хотя и многими может сознаваться, но не продумывается.

Дело-то в том, что недостаточно осознать это положение, надо из него делать вывод для об'яснения свойств глаголов совершенного вида. И вот эту-то сторону вопроса в литературе впервые, насколько мне известно, выдвигаю я и ответ кладу в основание для об'яснения совершенного вида.

Таким образом, для нас выяснилось, что глаголы совершенного вида имеют течение *in ge*, которое не осознается нами, но дает следствие в виде времен. Теперь, когда выяснены общие свойства глагольности, присущие как несовершенному виду, так и совершенному, мы можем остановиться на специфическом свойстве совершенного вида. Очевидно, это специфическое свойство совершенного вида несколько не исключает наличности течения процесса в глаголе, ибо, если бы оно ее исключало, глаголы совершенного вида не могли бы сохранить в себе свойств глагольности, т. е. установленные нами оба пункта связи со временем не имели бы места в совершенном виде.

Правда, мы еще выше отметили, что в глаголах совершенного вида не сознаем наличности течения процесса, но это несознание несколько не препятствует тому, чтобы течение процесса *in ge* было

налично в глаголах совершенного вида. Глагол совершенного вида не есть какая-то статическая величина, он имеет свое течение, он имеет свое образование. И в этом образовании первоначально течение не могло не сознаваться, поскольку наличность течения сознавалась во всяком глаголе. Но с течением времени, когда наше внимание при переживании глаголов совершенного вида стало сосредоточиваться на производном для глагола свойстве совершенности, момент течения стал затуманиваться в сознании и, наконец, перестал сознаваться. Но из этого выпадения из сознания момента течения вовсе не следует, что глагол совершенного вида *in se* лишился течения. Он не мог его лишиться уже потому, что он продолжал иметь прошлое и будущее времена. Таким образом, есть глаголы, которые *in se* обладают течением, но при переживании момент течения из поля сознания выпадает, он не создается.

С этим вполне гармонируют факты переживаний глаголов совершенного вида.

Специфическое свойство или признак совершенного вида старались определить, но эти попытки его определения оказались неудовлетворительными.

„Пред лицом таких трудностей немудрено, что совершенному виду (а нужно заметить, что положительный оттенок большинство исследователей ищет именно в совершенном виде, а несовершенный рассматривает как нулевую категорию) одни авторы давали слишком узкое определение; другие — слишком широкое, третьи — недостаточно цельное. Так, одни авторы находили здесь оттенок законченности процесса, что явно не подходит к таким фактам, как *суетился — засуетился, бегал — забегал, бежал — побежал, любил — полюбил* и т. д., другие — оттенок законченности по отношению к достижению результата процесса, или, короче говоря, оттенок результативности, что, правда, объединяет очень многие случаи и притом удачно объединяет бесприставочные факты с приставочными (ср. *строил — выстроил, ставил — поставил, бросал — бросил, покупал — купил, рассматривал — рассмотрел, садился — сел*), но все же совершенно не подходит к таким фактам, как *обедал — отобедал, звонил — отзвонил* и т. д., где, конечно, никакого результата процесса не выражено. Оба эти определения приходится признать слишком узкими. Другие определяли в совершенном виде оттенок „ограничения во времени“ развития процесса, не оговаривая, к каким именно пределам сводится это ограничение. Благодаря этой неопределенности им удавалось объединить такие факты, как *мигал — мигнул*, где ограничение сводится к мгновенности, и такие, как *говорил — поговорил*, где ограничение сводится к небольшому, но, во всяком случае, длительному промежутку времени. Но это определение мы считаем слишком широким, так как в таких фактах, как *заговаривал — заго-*

*ворил, отзванивал — отзвонил*, известное ограничение во времени развития процесса выражено и в совершенном и в несовершенном виде в приставках.

Наконец, третьи определяли значение совершенного вида просто как оттенок *конца* или *начала* действия, т. е. механически соединяли разные оттенки, выраженные приставками, не давая единого общего определения<sup>1</sup> (см. стр. 497, 6124 той же книги).

Определение совершенного вида производилось путем подстановки под понятие совершенности каких-то других моментов, которые должны были быть достаточно широки, чтоб охватить все случаи; но, однакож, подставлены были такие моменты, которые сопровождают совершенность, но не являются самой совершенностью. Определение, вернее, понимание совершенности вполне достигается путем противопоставления совершенного вида несовершенному, так что практически их определение каждый раз не наталкивается на особые трудности, о чем свидетельствует усвоение этих понятий в школах 2-ой степени.

Этот общеизвестный факт отмечен был А. М. Пешковским.

„И практически, интуитивно, различие это (совершенного и несовершенного видов — П.С.) нами весьма резко ощущается и даже усваивается всегда в школе, хотя теоретически формулировать его, как уже сказано, крайне трудно“. (А. М. Пешковский, назв. книга, стр. 496, 6123).

Некоторые авторы, стараясь найти удачное определение, совершенность поясняли законченностью действия, а их критики отмечали, что часто в глаголах совершенного вида мы не находим никакой законченности, и свое возражение подтверждали примерами в роде *засуетился, забегал, побежал* и т. д., где о законченности действия не могло быть и речи, так как в данном случае она должна свестись к законченности начала действия. Засуетиться тем-то и отличается от глагола суетиться, что в последнем имеется в виду процесс, течение действия, а во втором — лишь законченность (вернее, совершенность) начала этого действия. Но в таком случае такая, широко понятая законченность ничем не будет отличаться от совершенности. Если же мы законченность поймем в особом специфическом смысле, при котором *засуетился, забегал* и т. д. ни в коем случае не выражают законченного действия, то такая законченность действия окажется отличным от совершенности моментом. И этот момент не всегда сопровождает совершенность. Проиллюстрируем нашу мысль примером.

Законченность в отмеченном смысле, как мы указали, не всегда сопровождает глаголы совершенного вида. Это видно из следующего

<sup>1</sup> Курсив автора.

примера. Сравните *сработать* и *поработать*. В слове *сработать* я выражаю не только совершенство, но и законченность действия, а в слове *поработать* я выражаю лишь совершенство действия.

Мы бы хотели тут отметить следующее. Выражает ли глагол совершенство начала или конца действия, — это все равно, так как это обстоятельство не устраняет общего им свойства совершенности, а устанавливает лишь подвидовые признаки глаголов, означающих начало действия, как особый процесс, и действие вообще.

То же надо сказать, когда совершенным видом хотят выразить кратковременность действия или даже мгновенность, например, *мигнуть*; здесь кратковременность не исключает совершенности действия, а ее, так сказать, ставит в своеобразные условия краткости или мгновенности. Мгновенность по отношению к совершенности *второобразный* признак, который не всегда сопровождает эту перфектибельность действия.

Нельзя сказать, чтобы результативность представляла собою ясное понятие. Посмотрим, что пишет по этому вопросу А. М. Пешковский.

„Так, одни авторы находили здесь оттенок законченности процесса, что явно не подходит к таким фактам, как *суетился — засуетился, бегал — забегал, бежал — побегал, любил — полюбил* и т. д., другие — оттенок законченности по отношению к достижению *результата* процесса, или, короче говоря, оттенок *результативности*, что, правда, объединяет очень многие случаи и притом удачно объединяет бесприставочные факты с приставочными (ср. *строил — выстроил, ставил — поставил, бросал — бросил, покупал — купил, рассматривал — рассмотрел, садился — сел*), но все же совершенно не подходит к таким фактам, как *обедал — отобедал, звонил — отзвонил* и т. д., где, конечно, никакого результата процесса не выражено“ (А. М. Пешковский *op. cit.* стр. 497, 6124).

Таким образом, А. М. Пешковского не удовлетворяла формула достижения результата процесса, так как он результата не видел в таких глаголах, как *отобедал, отзвонил*.

Как понимать результат?

Конечно, в слове „выстроил“ результативность очевидна, ощутительна. Но почему автор не усмотрел результативности в слове „отобедал“, а ее усмотрел в слове „сел“? Не говорит ли это за то, что результативность очень неясное и в своих границах не отграниченное понятие? Если мы присмотримся к слову „выстроил“, то в нем мы увидим нечто сложное, в котором мы найдем совершенство + результативность + законченность.

Если первый элемент этого сложного мы встретим во всяком глаголе совершенного вида, то в отношении второго элемента, т. е. результативности, мы могли бы установить ряд, в котором от ярко



общушаемой результативности, спускаясь, можем прийти до таких глаголов совершенного вида, где, при всем нашем желании, мы не усмотрим никакой результативности, как в приведенном А. М. Пешковским примере „отзвонил“ или в таких словах, как „побыл“, „начал“, „пожил“ и т. д. Ведь в них ясна наличность лишь совершенности без результативности.

Если же понятие результативности мы возьмем в очень широком смысле, аргументируя тем, что всякое действие по себе оставляет какой-либо результат, то в таком случае всякая разница между видами совершенным и несовершенным исчезнет, так как и длительное; несовершенное действие не остается совершенно безрезультатным. Конечно, мы не можем брать за *differentia specifica* такое неопределенное понятие результативности, оно слишком растяжимо и не дает нам никакого критерия различения совершенного вида от несовершенного.

С другой стороны, вполне понятным кажется нам положение, гласящее, что есть глаголы, совершенный вид которых нам дает одну лишь *совершенность без результативности*, между тем как мы не можем найти ни одного глагола совершенного вида, который был бы лишен свойства совершенности. А это говорит нам о том, что результативность в специфическом смысле есть нечто *второобразное*, не необходимое для совершенного вида.

Таким образом, мы приходим к тому заключению, что результативность в широком смысле слишком неясное, туманное понятие, вовсе негодное для различения совершенного вида от несовершенного. Если же результативность взять в более узком, специфическом смысле, то ее мы не найдем во многих глаголах совершенного вида. Отсюда явствует, что результативность есть побочное, не необходимое свойство совершенного вида<sup>1</sup>.

Таким образом, мы пришли к тому убеждению, что законченность и результативность в специфическом смысле, мгновенность — все эти признаки суть побочные свойства совершенного вида, которые не всегда сопровождают совершенность действия, что их надо отличать от совершенности действия, постигаемой нами из сравнения глагола совершенного вида с его же несовершенной формой. Эта совершенность постигается также на отдельных примерах, где совершенность не сопровождается побочными свойствами.

После этого мы можем остановиться на этом специфическом свойстве совершенного вида, которое правильнее было бы называть перфектибильностью, т. е. свойством совершенности, так как ею обладают глаголы совершенного вида во всех своих формах.

<sup>1</sup> Проф. В. В. Виноградов пишет на стр. 395 своей книги: „Результат — это частный случай предела действия“.

Известно, что другие языки не проводят (в том числе и древнерусский) такой резкой разницы между этими видами, так как они эту перфектибельность обыкновенно ограничивают прошедшим временем, где эта разница в совершенности действия легче чувствуется. В русском языке эту перфектибельность распространили на все глагольные формы и этим превратили в специфическое свойство совершенного вида. Это вместе с тем означает, что эта перфектибельность в русском языке создается особенно остро. Она противопоставляется процессуальности глагола, этим самым вуалирует объективную процессуальность глагола в совершенном виде; это свойство перфектибельности выдвигается на первый план настолько сильно, что глаголы совершенного вида теряют способность выражать настоящее время и сочетаться с такими словами, которые могут сочетаться лишь со словами, выражающими процессуальность.

Вот этим объясняется невозможность таких сочетаний, как: *прекращаю, начинаю, продолжаю, поговорить* и т. д. (см. стр. 498<sup>1</sup> 124 оп. cit. А. М. Пешковского<sup>1</sup>).

Чем острее будет чувствоваться вытесняющая сила перфектибельности глаголов совершенного вида, тем сильнее будет выпячиваться это свойство совершенности и в своем противопоставлении не *объективной*, а *сознаваемой процессуальности*, начнет ее вытеснять, вытеснит ее почти вовсе из поля сознания и соответственно с этим выкинет настоящее время, как неизбежно заключающее в себе течение и сознаваемое таковым. Этим объясняется неимение в совершенном виде русского языка настоящего времени. Вот почему разрешение этого вопроса проф. А. М. Пешковским мы считаем не совсем правильным (ср. стр. 52 этой статьи и стр. 499—500, 126 книги А. М. Пешковского).

Но вытеснение это произведено не полностью: все-таки эта объективная процессуальность иногда дает себя чувствовать не в таких объективных образованиях, каковы будущее и прошедшее времена, так сказать, не тайно, а открыто, т. е. в сознании. А. М. Пешковский приводит пример синтаксического настоящего времени: „... посмотрите, что делает заяц: то *вскочит*, то *ляжет*, то *повер-*

<sup>1</sup> Проф. В. В. Виноградов в своем труде „Современный русский язык“ (т. II, 394), критикуя это положение А. М. Пешковского, совершенно правильно указывает: „Не ограниченное никакими рамками времени начинание, попытка начинать или прекращать что-нибудь не мирится не только с понятием непротяженности, но и с понятием предельности, временной ограниченности действия, которое в этом случае может и не походить на точку, т. е. может иметь измерение (например: *нагуляться, перетаскать*; ср. *перетаскать, пересмотреть, пролежать* и т. п.)“.

Слова „может иметь измерение“ признают, что глаголы совершенного вида могут и походить на точку, т. е. не иметь течения; это положение неверно, как это было выяснено нами выше.

нется, то подымет уши, то прижмет их. Но столь трудное представление должно быть поддержано *обычным* представлением настоящего времени и в данном случае, напр., понимание всех этих глаголов в плоскости настоящего времени всецело обусловлено тем, что им предпослано „настоящее“ настоящее время (что делает заяц), т. е. настоящее время несовершенного вида“. (А. М. Пешковский, *op. cit.* стр. 4100, 6126. Курсив автора).

В приведенных примерах понимание глаголов совершенного вида в настоящем времени обусловлено тем, что в этих глаголах, вопреки вытесняющей силе перфектибельности, создается течение, правда, внезапное, но все-таки течение, т. к. иначе невозможно было бы их понимание в настоящем времени. Но это наше понимание в них настоящего времени сильно препятствуется вытесняющей силой перфектибельности глаголов совершенного вида. Вот почему они обставляются особым условием предварительного употребления глагола в настоящем времени, как то: посмотрите, что делает заяц.

А. М. Пешковский, остановившись на этом примере, признал: „Впрочем и то, что происходит во время речи, можно при известном усилии мысли представить себе „точечно“, т. е. поместить мысленно „миг“ совершения процесса в *середину* того крайне малого отрезка времени, который занят названием этого процесса. Это мы и делаем в таких сравнительно редких случаях, когда употребляем совершенный вид в значении настоящего времени (см. стр. 4100, 6126 *op. cit.* А. М. Пешковского).

Признав это, автор однако не сделал соответственного вывода из этого факта. Ведь этот факт явно доказывал, что глагол совершенного вида не лишен течения во времени. А если бы автор признал это, то, конечно, он вынужден был бы отказаться от своей точечной теории совершенного вида и не говорил бы, что „они“ (т. е. „те процессы, которые обозначаются глаголами совершенного вида) „совсем не протекают во времени“. (стр. 499, 6126 *op. cit.* А. М. Пешковского).

Любопытен еще один случай совершенного вида, приведенный у А. М. Пешковского на стр. 4100, 6126—127 *op. cit.*

„Указанному здесь *общему* значению совершенного вида могут противоречить те *частные* видовые значения, которые заключены иногда, как мы выше видели, в *приставках*. Наиболее резкий случай этого рода—это приставка „по“—в таких глаголах, как *поговорить, пописать, полежать, позаняться, посплетничать, побегать, пошуметь* и т. д. Она обозначает, что процесс занимает лишь *небольшой* отрезок времени: *поговорить*—это значит „недолго говорить“, *полежать*—„недолго лежать“ и т. д. (ассоциативно сюда присоединяется еще иногда и оттенок слабости самого процесса, так что, напр., *побегал, покричал* как-то не подходит к *стремительному*

бегу и *пронзительному* крику, но это, повидимому, вторичная ассоциативная связь, обусловленная самим значением краткости процесса). Таким образом, здесь приставка ясно указывает на определенный *отрезок* времени, на определенную (хотя и недолгую) *протяженность* процесса, а форма совершенного вида (т. е. в данном случае самый факт присоединения к данной основе приставки независимо от того, какова она) указывает на *непротяженность* процесса. Но что в этом оттенке „небольшой протяженности“ совершенный вид не при чем, ясно уже из того, что тот же оттенок данная приставка сохраняет и в совершенном виде<sup>1</sup>: *поговаривать, пописывать, полежаивать, покрикивать, постукивать* и т. д., с той только разницей, что здесь эта „небольшая протяженность“ наслаивается уже на *многократное* значение слов—*говарива, —писыва*— и т. д., так что получается значение „не очень часто говорить“, „не очень часто писать“ и т. д.“ (Курсив автора).

Мы уже раньше отметили, что об'ективное течение свойственно всякому глаголу, а, следовательно, и глаголам совершенного вида, с той лишь разницей, что в глаголах совершенного вида это об'ективное течение не осознается благодаря тому, что оно вытесняется выдвигающейся на первый план совершенностью глаголов этого вида. Затем мы отметили, что иногда, хотя и редко, при известном соответствии оформленному условию, глаголы совершенного вида могут взять на себя функцию внезапного настоящего. Это покоится на свойстве глагольности глаголов совершенного вида, и вытесняющая сила их перфектибельности лишь затрудняет такое, согласное с глаголом, понимание настоящего времени. Это затруднение усугубляется тем, что и сама внезапность по природе склонна ассоциироваться с совершенностью глаголов.

С точки зрения такого понимания совершенного вида мы должны отметить, что в таких глаголах, как *поговорить, пописать, полежать* и т. д. ярче всего подтверждается наше утверждение, что совершенному виду не чуждо течение. Там, где эта перфектибельность не мирится с течением глагола совершенного вида, течение перестает сознаться и остается лишь *in se*, остается в глаголе лишь об'ективно. А в приведенных случаях в сознании кратковременное течение и совершенность уживаются вместе, и это вовсе не препятствует тому, чтоб глагол „поговорить“ понимался как глагол совершенного вида.

---

<sup>1</sup> Вероятно, автор имел в виду несовершенный вид. Каким образом приставка „по“ может обозначать „небольшую протяженность“, это остается тайной автора. Между тем вполне понятно, что приставка „по“—может течение, обозначенное глаголом, поставить в особое условие краткости. И, конечно, тот же характер краткости сохранится и в многократных глаголах „поговаривать“, „пописывать“ и т. д.



Мне думается, что этим не исчерпывается категория глаголов совершенного вида, в которых осознавалось бы течение наряду с более сильно выраженной совершенностью: напр. *переработать, пересказать, переписать* и т. д.—все эти глаголы не могут не пониматься как глаголы, заключающие в себе течение<sup>1</sup>, но эта их сторона не сильна настолько, чтоб обусловить собою образование настоящего времени, и поэтому перевешивает свойство перфектибильности, выкидывающей настоящее время.

Приводимые нами примеры доказывают, что глаголы совершенного вида нельзя квалифицировать как непротяженные, как точечные, т. к. они как глаголы имеют течение большей частью не сознаваемое, но изредка и сознаваемое. Следовательно, точечная теория вовсе не соответствует действительной природе глаголов совершенного вида, т. к. их глагольные свойства не уничтожаются, а уходят в область несознаваемого объективного.

Одновременно надо заметить, что совершенность как специфическое свойство совершенного вида являет собою нечто иное, чем течение глагола. Это нечто сосуществует вместе с течением, вытесняет его из области сознания, вынуждает выкинуть настоящее время как несогласующееся с совершенностью.

Соответствует ли это точечности? Точечность, по А. М. Пешковскому, будучи нулевой категорией (ведь отсутствие протяженности есть нуль in ge), лишь воспринимается нами как нечто положительное, наподобие пресной воды, черного цвета, существительных с твердыми согласными в именительном в единств. ч. (см. А. М. Пешковский, стр. 499, 6125 op. cit.).

Едва ли можно согласиться с таким заключением. То обстоятельство, что глагол совершенного вида не осознается как глагол, означающий течение, не лишает глаголов объективного течения, и поэтому „непротяженность“, „точечность“ противоречат объективному свойству глаголов совершенного вида.

Если же мы предположим, что эта теория точечности не игнорирует течения в глаголах совершенного вида, аргументируя тем, что де глаголы совершенного вида не теряют свойств глагольности (хотя и об этом названная теория не только не заикается полу-

<sup>1</sup> Это положение было сформулировано проф. Мазоном, как это видно из книги проф. В. В. Виноградова: „Поэтому проф. Мазон должен был сделать целый ряд оговорок, разрушающих представление о „непротяженности“ совершенного вида. Так, по его словам, „точечность“ совершенного вида не исключает дополнительных „линейных“ представлений длительности и последовательности, т. е. протяженности“. Проф. В. В. Виноградов при этом указывает на стр. 111 *Emplois des aspects* проф. Мазона. (Op. cit. проф. Виноградова, стр. 394).

словом<sup>1</sup>, но даже постоянно напоминает нам о непротяженности, недлительности глаголов совершенного вида), то мы и в таком случае признаем ее квалификацию несоответствующей действительности, т. к. даже самый спецификум совершенного вида—перфектибельность ни в коем случае не может рассматриваться как какой-то нуль *in se*, который лишь воспринимается как нечто положительное.

Можно предположить, что несознание течения в глаголах совершенного вида, видимо, и послужило поводом к тому, что А. М. Пешковский усмотрел сущность совершенного вида в непротяженности, в точечности. Эта сторона, это течение, как мы знаем из предыдущего, не всегда сознается неналичным; следовательно, то, что отсутствует хотя бы в одном из случаев совершенного вида, никак не может считаться спецификумом совершенного вида. Несознание наличности течения в глаголах совершенного вида само есть следствие перфектибельности, сильно выдвинувшейся и собою заслоняющей течение. Сущность спецификума совершенного вида в перфектибельности его глаголов. А перфектибельность ни в коем случае нельзя рассматривать как нечто отрицательное, лишь воспринимаемое нами как нечто положительное. Этакое понимание было бы глубоко ошибочно.

Перфектибельность есть положительное свойство, возникшее второобразно на почве объективного течения и иногда доходящее до такой силы, что заставляет забыть наличность течения и согласовывать времена с собой, а не с течением, являющимся основным свойством глагольности. Вспомни отсутствие настоящего времени в русском языке, ведь оно есть результат вытесняющей силы перфектибельности, о которой нами было сказано выше<sup>2</sup>.

По этим соображениям я никак не могу согласиться, что совершенный вид является „отрицательным признаком“, как его квалифицирует А. М. Пешковский. У него такая квалификация есть плод смешения совершенности с самим несознанием течения в глаголах совершенного вида. У него даже оба его термина „непротяженность“ и „точечность“ находятся в некотором несогласии друг с другом.

<sup>1</sup> А. М. Пешковский иногда вынужден считаться с фактом, говорящим о наличности течения в глаголах совершенного вида. Но такое признание у него носит характер признания чужеродного тела, оказавшегося в чуждой системе, и он всячески старается наличность течения в глаголах совершенного вида вытолкнуть, чтобы таким путем своей теории непротяженности обеспечить единоличное господство.

<sup>2</sup> Очень интересно, что такое последовательное образование видовых форм есть результат недавнего прошлого.

„В древнем периоде русского языка развитие и употребление видов тормозилось формами времен. С падением последних (именно простых—аористов и переходящих) видовые образования получили дальнейшее развитие, и в языке XV и XVII в. в. мы находим видовые формы“. См. „Синтаксис русского языка Д. Овсянко—Куликовского, стр. 150.

Если непротяженность есть плод несознания течения в глаголах совершенного вида, то точечность одной своей стороной несколько подходит к совершенности, т. к. совершенность значит нечто, ставящее предел временной длительности, а точка именно ставит предел. Совершенство—это нечто, придающее глаголу такой характер, при котором глагол представляется нам со следующими свойствами: к течению, обозначенному корнем данного глагола, присоединяется какой-то момент, с которым глагол приобретает характер совершенности, вернее, перфектибельности, т. е. выполненности в общих чертах того действия, которое обозначено корнем данного глагола; благодаря этому моменту перфектибельности течение в глаголе после этого момента не может иметь места, а может иметь место лишь до этого момента, причем течение это может сознаваться и не сознаваться; когда свойство быть совершенным сильно выпячивается на первый план, оно заслоняет собою течение, которое перестает сознаваться, и глагол совершенного вида теряет в связи с этим возможность иметь настоящее время.

Вот почему оба термина „непротяженность“ и „точечность“, не согласованы друг с другом.

Затем А. М. Пешковский несовершенный вид называет „отрицанием этого отрицательного признака“, т. е. отрицанием совершенного вида. Поскольку совершенный вид противопоставляется несовершенному виду, обыкновенно предполагается, что положительному свойству совершенного вида должно соответствовать в несовершенном виде также нечто положительное. Вот тут мы вполне согласны с А. М. Пешковским, что, кроме обыкновенного течения, в глаголах несовершенного вида ничего не можем найти положительного. Таким образом, если мы в совершенном виде находим течение+совершенство, то в несовершенном виде мы видим одно лишь течение без совершенности.

Разница между точками зрения моей и А. М. Пешковского в том, что у меня эта отрицательность несовершенного вида ясна из всего нашего построения, где вверху находится глагольность, к которой в совершенном виде присоединяется перфектибельность, а в несовершенном ничто не присоединяется, а у А. М. Пешковского отрицательность несовершенного вида не ясна.

С точки зрения нами развитой теории названия совершенный и несовершенный вполне соответствуют действительности, и в них (сознательно или бессознательно) находится больше соответствия действительности, чем в указанных попытках их объяснения.

Теперь, после того как выяснилось, в чем сущность совершенного вида, мы задаем вопрос: осталось ли что-либо загадочного, иррационального в том противоречии, которое наблюдается в совершенном виде?

Раз выяснилось, что и в глаголах совершенного вида есть течение, которое обыкновенно не осознается, когда выяснилось, что перфектибельность есть положительное свойство, а не нечто отрицательное, что нами лишь воспринимается как положительное, когда выяснилось, что совершенность, появившись на почве об'ективного течения, сама начала „отрицать“ течение в глаголах совершенного вида до той степени, что вытеснила настоящее время из форм глаголов совершенного вида, стало ясно, что всякую загадочную иррациональность не приходится валить на противоречие, в особенности, если есть удобный случай наше непонимание вещей прикрыть загадочным иррациональным противоречием (см. стр. 498—99, 125—126 книги А. М. Пешковского).

Когда и эта загадочная иррациональность вопроса снята, теперь можно рассмотреть, какой характер носит противоречие совершенного вида. Противоречие, кроющееся в совершенном виде, не есть противоречие формально-логического порядка. Противоречие в совершенном виде состоит в отрицании со стороны совершенности своего базиса—течения, на основе которого образовались, вначале совершенность, а затем перфектибельность; и это отрицание настолько реально и сильно, что из поля сознания удаляет представление о наличности течения, которое *in se* все же оказывается наличным. Противоречие, наконец, сказывается в том, что времена (это чистое порождение основного свойства глагольности—течения) отчасти приходят в зависимость от совершенного вида, заставившего потерять настоящее время. И понятно, что это—живое, жизненное противоречие.

Ереван. 1939 г. Января 28.



## ԿԱՏԱՐՅԱԼ ԿԵՐՊԻ ԿԵՏԱՅԻՆ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ՔՆՆԱԴԱՏՈՒԹՅՈՒՆ

(ԱՄՓՈՓՈՒՄ)

1928 թ. պրոֆ. Պեշկովսկին հետևյալ ձևով է բնութագրել կատարյալ կերպի կետային տեսությունը: Կատարյալ կերպն արտահայտող բայի պրոցեսն անտարածական, անտեական, անհոսուն է: Սակայն միաժամանակ այդ անտարածականությունը, անհոսունությունն բնութագրվում է իրեն ինչ-վոր դրական մի բան, նման լույսի բացակայության կամ անակության: Կատարյալ կերպի պրոցեսները «վոչ մի կերպ չեն ընթանում, և այս բացասական ու իռացիոնալ մտապատկերումը կազմում է կատարյալ կերպի չափազանց վառ ու դրական բնութագիրը», ասում է պրոֆ. Պեշկովսկին:

Հոսունությունը հատուկ է բային: Յերբեմն գոյականի մեջ պատահող հոսունությունը չի կազմում գոյականի ելությունը, և նրա սպեցիֆիկ հատկությունը չէ: Այսպիսով, հոսունությունն սպեցիֆիկ հատկություն է միայն բայերի համար, հոսունությունը միայն այդտեղ է գործում իբրև վորակավորող մոմենտ: Շնորհիվ հոսունության, վորը կարող է տեղի ունենալ միայն ժամանակի մեջ, բայի կապը ժամանակի հետ բազկացած է յերկու կետից:

1. Յուրաքանչյուր բայ անպատճառ նշանակում է հոսուն գործողություն կամ կացություն կամ լինելը (предывание). յեթե բայը հոսունություն չնշանակեր, այն չեր կարող ունենալ ժամանակներ, վորովհետև չեր ունենա շոշափման վոչ մի ընդհանուր կետ ժամանակի հետ: Հոսունության շնորհիվ է միայն, վոր բայն ու ժամանակները դառնում են համաչափելի: Այդ դրույթն ավելի յե պարզվում, յերբ համեմատում ենք այն բառերի հետ, վորոնք ժամանակի հետ անհամաչափելի յեն, որինակ՝ մատիտ, քար և այլն:

2. Միմիայն բային է հատուկ ունենալ յերեք ժամանակային չափումներ: Այս հատկության հնարավորությունը պայմանավորված է հոսունության ու ժամանակի համաչափելիությամբ:

Սակայն միայն բայը չէ, վոր ունի ժամանակային չափում: Լեզվի մեջ յերբեմն առանձին բառերն իրենց ամբողջական իմաստով արտահայտում են վորևե ժամանակային կտոր, որինակ՝ ամիս, որ, այսօր, վաղը, և այլն: Ժամանակի նշումն այստեղ կատարվում է ամբողջ բառի կամ բառակցության իմաստի միջոցով: Շնորհիվ սրան հնարավոր չէ միևնույն բառով արտահայտել ժամանակային տարբեր չափումներ: Ուրիշ ժամանակային չափում արտահայտելու համար պետք է բառը փոխել, որինակ՝ «այսօր»-ի փոխարեն՝ դենի «վաղը» և այլն:

Այդպես չէ բայը: Բայն ունի ժամանակային յերեք չափում, և միայն բայն է, վոր ունի այսպիսի հատկություն: Այս պայմանավորվում է նրանով,

վոր բայն իր ժամանակային նշումը փոխելու համար կարիք ունի վոչ թե ամբողջական բառի, այլ միայն բառամասի փոփոխության: Սրանով է բայը տարբերվում մյուս բանամասերից. այս է բայի ճկունությունը, այստեղից էն ծնունդ առնում բայի առավելությունները և սրա հսկայական գործնական նշանակությունը:

Այսպիսով, բայի հիմնական առանձնահատկությունը հոսունությունն է և սրա հետևանքով՝ ժամանակի հետ յեղած համաչափելիությունը և ժամանակային յերեք չափունքներ ունենալը:

Ուրեմն սխալ է պրոֆ. Պեշկովսկու այն դրույթը, թե կատարյալ կերպի բայերը կետային են, անհոսուն են:

Պրոֆ. Պեշկովսկին կատարյալ կերպի «անհոսունությունը» համարում է լեզվի իռացիոնալություն և այդ պատճառով էլ չի թափանցել այդ իռացիոնալության հիմքի մեջ: Խուսական կատարյալ բայերի քննարկումից նկատվում է հետևյալը: Բայերի մի մասում պարզ կերպով զդացվում է հոսունության առկայությունը, որինակ՝ *пере-յով* ածանցվող բայերը (*переработать, переписать* և այլն): Կան բայեր, վորոնց հոսունությունը բայի ապրման ժամանակ չի գիտակցվում, որինակ՝ *крикнуть, свистнуть* և այլն: Սովորաբար կարծում են, թե այս տեսակ բայերը գուրկ են հոսունությունից (տես *Пешковский, Синтаксис русского языка, стр. 99, 1928 г.*): Յեթե մի բան չի գիտակցվում, այդ դեռ չի նշանակում, թե այն իրոք գոյություն չունի: Այդ բայերի մեջ հոսունությունը չի գիտակցվում, բայց դրանց մեջ հոսունությունն որչեղարվորին առկա չե, վորովհետև այդ բայերն ունեն անցյալն ու ապառնին. յեթե այդ բայերը գուրկ լինեյին հոսունությունից, նրանք ժամանակներ ունենալ չեյին կարող. ժամանակներ չեյին ունենա ճիշտ այնպես, ինչպես ժամանակներ չունեն վոչ-բայական բանամասերը:

Պրոֆ. Պեշկովսկու աշխատության մեջ բայի հոսունությունը կատարյալ կերպում ինքն իր գոյության մասին իմացնել է տալիս, չնայած հեղինակի յեռանդուն ժխտումներին: Այդ յերևում է՝ 1. ոչ-յով ածանցվող բայերի՝ Պեշկովսկու արհեստական մեկնաբանությունից. 2. այն դեպքերից, յերբ կատարյալ կերպի բայը ներկա յե արտահայտում շնորհիվ վորոշ պայմանների («Поглядите, что делает заяц: то вскочит, то ляжет, և այլն»):

Թե ինչո՞ւ կատարյալ կերպի բայերն ունեն ժամանակներ, այդ հարցն առաջին անգամ է, վոր լուծում է ստանում: Մինչ այդ արձանագրվել և միայն փաստը, բայց չի բացատրվել:

Թե ինչո՞ւ կատարյալ կերպի բայերը ներկա չունեն, այդ խնդիրն առաջին անգամ դրել է պրոֆ. Պեշկովսկին և բացատրել և կատարյալ կերպի բայերի կետային, անհոսունության ընդլայնում: Ներկա չունենալու պատճառը կետային, անհոսունության հատկությունը չե: Յեթե այդպես լիներ, կատարյալ կերպի բայերը չպիտի ունենային վոչ մի ժամանակ, վորովհետև անհոսունություն՝ արտահայտող բառը վոչ մի ընդհանուր կապ ժամանակի հետ ունենալ չեր կարող: Կատարյալ կերպի բայերը ներկա չունեն այն պատճառով, վոր հոսունությունն այդ բայերի ապրման ժամանակ չի գիտակցվում և մեր ուշադրությունը կենտրոնանում է նրանց կատարյալու-

թյան վրա, շնորհիվ դրա հոսունությունը նսեմանում ու աննկատելի յն գառնում:

Այժմ պարզենք, թե ինչ է կատարյալությունը: Կատարյալությունը հասկանալու համար անհրաժեշտ է կատարյալ ու անկատար կերպերի բայերը համեմատել իրար հետ, և իսկույն կզգացվի նրանց տարբերությունը: Այդ հաստատվում է նրանով, վոր անգամ դպրոցներում հեշտությամբ զանազանում են կատարյալ կերպի բայն անկատարից: Այս հանրաժանութ փաստի վրա ուշադրություն էր դարձրել պրոֆ. Պեշկովսկին: Սակայն այդ բավարար չի համարվում, այլ սկսում են կատարյալության տակ տեղադրություններ կատարել: Տեղադրում են ավարտվածություն (заключенность), հետևանքների տալը (результативность), վայրկենականությունը և այլն, բայց այդ բոլորը վոչ-եյական հատկություններ են: Կան բայեր, վոր բաղկացած են կատարյալությունից + ավարտվածություն + հետևանքներ ունենալը, որինակ՝ сработал: Կան այնպիսի բայեր, վոր բաղկացած են կատարյալությունից + վայրկենականություն, որինակ՝ крикнул և այլն: Վերջապես կան այնպիսիները, վորոնցում հետևանքներ ունենալն է ավելանում կատարյալության վրա, որինակ՝ выстроили և այլն: Տեղադրողները կատարյալությունը փոխարինում են այդ յերկրորդական հատկություններից վորեւ մեկով, սակայն կարծում են, վոր այդպիսի հատկանիշն արտահայտում է կատարյալ կերպի եյությունը, կատարյալության սպեցիֆիկումը:

Մեր նկարագրածից յերևաց, վոր յերկրորդական հատկություններից և վոչ մեկը չի կարող հատուկ լինել կատարյալ կերպի բոլոր բայերին: Կատարյալ կերպի բոլոր բայերին հատուկ է միայն կատարյալության հատկությունը, վորն ավելի ճիշտ կլինել անվանել պերֆեկտիբություն: Պետք է նկատի ունենալ նաև այն, վոր վոչ հետևանքներ ունենալը, վոչ ավարտվածությունը, վոչ վայրկենականությունը և այլն ճշգրիտ զադափարներ չեն, սրանք թույլ են տալիս դանազան մեկնաբանություններ:

Ռուսերենում բայի պերֆեկտիբությունը տարածվել է բայական բոլոր ձևերի վրա, և, այդպիսով, այն դարձել է կատարյալ կերպի սպեցիֆիկ հատկությունը: Այդ միաժամանակ նշանակում է, վոր պերֆեկտիբությունը ռուսերենում գիտակցվել է առանձնապես սուր կերպով: Պերֆեկտիբությունն այդ բայերում հակադրվել է հոսունության, առաջ է մղվել և իրենով ծածկել է հոսունությունը: Վորքան ավելի ուժեղ է յեղել պերֆեկտիբությունն այդ վանող, «բացասող» ուժը, այնքան ավելի յն հակադրվել վոչ թե որչեկտիվ հոսունության, այլ գիտակցվող հոսունության, տեղ-տեղ դուրս և մղել հոսունությունը գիտակցության դաշտից, և սրան համապատասխան՝ դուրս և ընկել ներկան, վորն անխուսափելիորեն պարունակում է գիտակցվող հոսունություն: Սրանով է բացատրվում այն, վոր ռուսերենի կատարյալ կերպը ներկա չունի:

Կատարյալ կերպի բայերում հոսունությունն ու պերֆեկտիբությունը կազմում են գիտելիտիկ, կենդանի հակասություն:

Պրոֆ. Պեշկովսկու «անտարածականություն» ու «կետայնություն» տերմիններն իրար հակասում են: Անտարածականությունը նշանակում է անտեսականություն, դա պրոֆ. Պեշկովսկու մոտ հոսունությունը չգիտակ-

ցելու հետևանքով և առաջացած, թեպետ և նա կարծում է, թե կատարյալ բայն ինքն է անհոսում: Իսկ կետայնությունը մի մասով ճիշտ է, վերով-հետև հոսունություն սահման դնել և նշանակում, այսինքն հոսունության վերջ և դրվում շնորհիվ սահմանի: Այդպիսով, մենք տեսնում ենք, վոր պերֆեկտիբությունը չի կարելի համարել մի ինչ-վոր բացասական բան:

Պրոֆ. Պեշկովսկին անկատար կերպն անվանում է «բացասում բացասական հատկանիշի», այսինքն՝ բացասում կատարյալ կերպի: Վորչափ կատարյալ կերպը հակադրվում է անկատարին, սովորաբար յենթադրվում է, վոր կատարյալ կերպի դրական հատկությունը պետք է համապատասխանի անկատար կերպում ևս ինչ-վոր դրական բան: Այստեղ մենք համամիտ ենք պրոֆ. Պեշկովսկու հետ, վոր անկատար կերպի բայերում բացի սովորական հոսունությունից վոչինչ չենք գտնում: Այդպիսով, յեթե կատարյալ կերպում գտնում ենք հոսունություն—կատարյալություն, ապա անկատարում տեսնում ենք միայն հոսունություն առանց կատարյալության: Իմ և պրոֆ. Պեշկովսկու տեսակետների միջև տարբերությունն այն է, վոր ինձ մոտ անկատար կերպի այդ բացասականությունը պարզ է ամբողջ մեր կառուցվածքից, վորի մեջ վերևում տեղավորված է բայականությունը, վորին կատարյալ կերպում միանում է պերֆեկտիբությունը, իսկ Պեշկովսկու մոտ անկատար կերպի բացասականությունը պարզ չէ, բղխում է, կարծես, «անկատար» անունից:

Այժմ, յերբ պարզվել է կատարյալ կերպի ելությունը, մենք հարց ենք առնում՝ արդյոք վորևե «խռացիոնալ» բան մնաց այն հակասության մեջ, վոր հատուկ է կատարյալ կերպին: Կարծում ենք, վոր առեղծվածը լուծված է և նրա մեջ չմնաց վոչ մի «խռացիոնալություն»: